"Суб-О~"

"Что, черт возьми, ты знаешь, деревенщина?"

"Ты когда-нибудь ел красное вино?"

"Ты знаешь Рафи?"

"Ты ведь даже не был за пределами страны, не так ли?"

"Ты лягушка в колодце, которая дала тебе смелость говорить глупости перед Лю Шао?"

"А поместье Ротшильдов? Почему ты не сказал "Шато Ротшильд Нима"?"

"Ерунда здесь, мисс Чен Нан упала за то, что у нее есть такой парень, как ты."

Лю Цзявэй ещё не говорил, но Ван Юй, несомненно, был в ярости.

Он проклял на Ye Fan с черным лицом, и если бы он не боялся пугать Nan Chen, то Wang Yu пошел бы вверх и пнул бы деревенского неудачника.

Может ли он подняться высоко или нет, но все зависит от Лю Цзявэя. Теперь, когда этот деревенский неудачник все тут взбудоражил, конечно, Ван Юй был в ярости!

"Ван Ю, все в порядке".

"Зачем тебе вообще нужно его видеть?"

"В конце концов, он деревенский урод, не очень знающий, так что шутить - это нормально."

Лю Цзявеи пытался подавить свой гнев и все же принял скромный облик.

В конце концов, естественно вести себя как джентльмен перед девушкой, которая тебе нравится.

Мы культивированные люди.

До сих пор Лю Цзявэй всё ещё думал, что это Йе Фан говорит ерунду.

"Это все еще молодой мастер Лю, который щедр, живот премьер-министра может поддержать лодку, Лю Шао выглядит как человек, который может делать великие вещи".

"Если ты встретишь такого джентльмена и такого глубокого человека, как молодой господин Лю, если ты встретишь его, то ты должна быстро выйти за него замуж." Лесть Ван Ю потрясла небеса.

Лю Цзявэй также был очень забавен этим, подняв высокий подбородок, но его глаза были полны гордости.

Так же, как и этот, день быстро прошел.

В течение этого периода, Liu Jiawei неоднократно хотел прогнать Ye Fan прочь, в конце концов, Ye Fan был здесь, и если бы они хотели сделать что-нибудь с Chen Nan, это несомненно было бы слишком навязчиво.

Однако, они не смогли преуспеть в конце концов, Ye Fan все еще следовал за ними близко, и Nan Chen был также близок к Ye Fan, смеясь и разговаривая.

Когда они смотрели, как темнеет небо, Лю Цзявеи и другие сияли, проходя мимо ресторана, приветствуя всех, чтобы войти и иметь что-то, чтобы набить животы.

"После того, как мы закончим есть, Нан Нан, ты пойдешь с нами смотреть собрание по боевым искусствам."

"Сегодня вечером в этом округе Аннинг состоится всемирно известная встреча по боевым искусствам, и здесь будет много знаменитостей из Цзяндуна". Обычные люди даже не могут попасть внутрь".

"Я также попросил друга достать несколько билетов на вечеринку." Лю Цзявей сказал безразлично.

"Я иду, Лю потрясающий!"

"Я также слышал об этой боевой встрече, говорят, что Чэнь Ао из Цзяньхая, Ли Эр из Юньчжоу, Лей Сан из Цзинчжоу, почти все они здесь".

"Здесь собираются большие имена, такое место, если у тебя нет навыков, ты вообще не можешь войти".

"Что касается обычных людей, боюсь, они даже не знают об этом." Ван Юй воскликнул в изумлении.

Затем Ван Юй посмотрел на Нан Чэнь и другие: "Госпожа Чэнь, вы видели это?"

"В этом разница между бедными и богатыми".

"Мир богатых и могущественных просто недоступен для бедных".

"Точно так же, как сегодня на Тарзанском фестивале боевых искусств, ты боишься, что даже не знаешь об этом."

"Людям нравится твой парень, который стоит у подножия горы, все, что они видят, это размер земли перед ними". В то время как кто-то вроде Лю Шао, который стоит на вершине горы, то, что он видит - это море звезд".

"Лю Шао, ты думаешь, я правильно говорю?"

Лю Цзявей сделал легкий глоток чая и кивнул: "Ну, то, что ты сказал, действительно правильно".

"Как и наш брат Йе Фан, который приезжает из деревни и днем и ночью беспокоится о своей жизни, я думаю, что его жизнь - это только объедки перед ним."

"Вы никогда не видели леса Норвегии или Эйфелеву башню в Англии."

"Еще меньше вы видели пингвинов, питающихся арктическими льдами, ослепительный бореалис авроры в Антарктическом небосводе."

"Для тебя волны европейской реки Дуан существуют только в музыке фортепиано?"

"Романтику на Эгейском море можно увидеть только по телевизору".

"Всю свою жизнь вы писали улитки в одном месте, и всю свою жизнь вы видели закат только в одном месте."

"Брат Йе, мне тебя очень жаль. Мир так прекрасен, но вы, ребята, боитесь, что никогда не сможете его увидеть при жизни".

Лю Цзявэй улыбнулся неглубоко, его красивое лицо несет в себе сильное чувство превосходства, что высоко над миром, как будто белая луна смотрела вниз на светлячков.

Непокорность и жалость в этих словах были настолько густыми.

В это время Лю Цзявей, полный гордости, был также чрезвычайно доволен заявлением, которое он только что сделал, не только преуспел в демонстрации своих глубоких знаний и элегантного джентльменского поведения, но и воспользоваться возможностью, чтобы принизить Ye Fan к нулю.

Он тайно догадался, что госпожа Чен Нан Чен была покорена его элегантной и глубокой речи и манеры, она, вероятно, не могла дождаться, чтобы пнуть Ye Fan в ее объятия.

Он поднял голову, и действительно увидел красивые глаза Нан Чен, которые светились с восхищением, и ее улыбка, которая была восхищена восхищением.

Как раз тогда, когда Лю Цзявэй не смог удержать в своем сердце лопнувшие гормоны и был готов взять Нан Чэнь за руку и втянуть ее в свои объятия, в ответ раздался слабый смех Ye Fan, который, однако, тихо прозвучал.

"Хм?"

"Над чем ты смеешься?"

"Ты действительно безнадежен. Вместо того, чтобы стыдиться своей бедности и подлости, у тебя хватает наглости смеяться здесь?" Лю Цзявэй на мгновение нахмурился, а улыбка Йе Фан сделала его очень несчастным.

Он думал, что Йе Фан будет стыдиться своего стыда.

Но он не ожидал, что этот деревенский неудачник будет таким бесстыдным и все равно будет там смеяться.

"Ни над чем не смеялся, речь молодого мастера Лю только что была чудесной. Просто есть несколько недостатков, я не знаю, правильно говорить или нет". Йе Фан улыбнулась необъяснимо.

Лю Цзявэй был еще более несчастен: "Что ты пытаешься сказать?"

"Ничего особенного, просто хотел сказать юному господину Лю, что Эйфелева башня, она из Парижа, Франции, а не Англии."

"Какая чушь! Я был на Эйфелевой башне, и разве я не знаю, из какой это страны?" Лю Цзявэй мгновенно взбесился, глядя на Ван Юя и гневно крича: "Ван Юй, скажите этой бедной деревенской шишке, из какой страны находится Эйфелева башня? "

Это был уже второй раз, в последний раз, когда Е Фан говорил глупости, Лю Цзявэй выдержал

это. Но на этот раз он все-таки был зол.

"Лю Шао, не сердись, подожди, пока я поищу в интернете и ударю этого идиота по собачьей морде черно-белой бумагой!" Ван Юй на самом деле не знал, из какой страны, но это не имело значения, если у вас есть вопросы, задайте их Байду.

Вскоре Ван Ю посмотрел: "Вонючка, открой уши и слушай. Эйфелева башня, стоит на южном берегу реки Сены Фа..."

Wang Yu прочитал его согласно энциклопедии Baidu, однако, как раз на полпути, когда он сразу же замерз.

"А? Ты тупой и не собираешься читать?" Лю Цзявэй смотрел на Ван Ю.

Ван Юй, однако, ударил свое старое лицо и повернул голову, чтобы посмотреть на Лю Цзявея, сказав: "Лю Шао, эта башня, кажется, действительно.... Французский."

Когда Лю Цзявэй услышал это, его лицо утонуло, в ярости: "Ты полон дерьма, Бен Шао лично был там, я все еще могу ошибиться?"

В гневе Лю Цзявей выхватил телефон и прочитал его сам. Потом старое лицо было в ярости, и надменность только что засохла.

Ублюдок, это была действительно Франция!

Лицо Лю Цзявея покраснело.

Но Ван Юй окружил: "Эээ... Что, Лю Шао уехал в страну еще немного, помните, что ошибка - это нормально. Никто не идеален, никто не идеален. Такой маленький недостаток до сих пор не может скрыть сияние нашего Лю Шао. Мисс Чен, вы так не думаете?"

Нан Чен просто кивнула с улыбкой.

Но Йе Фан сделал глоток чая и продолжил: "Что, Лю Шао, я до сих пор не закончил то, что только что сказал"?

"Вообще-то, на арктических льдах нет пингвинов, это Антарктика."

"И в лире нет волн реки Дуан, только Дунай."

"Если я правильно помню, в мире нет реки под названием Дорниш". В Европе есть только

Дунай и Рейн".

Е Фан безразлично сказала, что Нань Чэнь на стороне пыталась контролировать себя, но в конце концов все равно не могла удержаться, но она была наклонена из-за смеха, а Ли Сяохунь также опустила голову, пытаясь удержать от смеха.

Что касается самого Лю Цзявэя, то после того, как он услышал слова Йе Фана, его старое лицо посинело и превратилось в печень, как будто он был соблазнен, а его лицо было настолько уродливым, насколько он этого хотел.

Это был удар по лицу?

Нет!

Это, блядь, удар по лицу!

В этот момент Лю Цзявей был почти безумен, его старое лицо покраснело, и он был безмолвным.

http://tl.rulate.ru/book/41102/932594